

**И.В. Киреевский и
Оптина пустынь.**



И. В. Киреевский (1806–1856)

1806, Москва — 1856, Санкт-Петербург) — русский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из главных теоретиков славянофильства.

Ивану Васильевичу Киреевскому одновременно со старцем Макарием принадлежит инициатива великого предприятия — издания Святоотеческих писаний. Благодаря этому начинанию и смогло произойти снабжение этими книгами академии, семинарии, правящих епископов, ректоров и инспекторов и чтение этой доселе недоступной аскетической литературы могло стать доступным монашествующим и всем духовнонастроенным русским людям.

Истина Православия воссияла, утвердилась и укрепилась в противовес западным книгам ложного направления. Явление миру этих рукописей – событие не поддающееся оценке простыми словами.

Другая заслуга Киреевского, как признано в истории русской философии, – это положенное им начало независимой мысли в русской философии и, как утверждает проф. Н.О. Лосский, Киреевский и Хомяков «хотя не выработали системы в философии, но они установили духовное философское движение, которое составляет самое оригинальное и ценное достижение в русской мысли».

Иван Киреевский никогда не был неверующим. Еще в бытность в Германия в 1830 г. он советует в письме своей сестре, чтобы она ежедневно читала Евангелие. Но, будучи христианином, Иван Васильевич не был православным церковником. Он был далек от Церкви, как почти и вся среда тогдашнего передового образованного общества. Другое дело была его супруга – духовная дочь о. Филарета Новоспасского. Она в юности ездила в Саровскую Пустынь и имела общение с преп. Серафимом. Поэтому Наместник Троицкой Лавры, архимандрит Антоний, в своем письме к ней именуется ее «сестрой».

Встреча с о. Филаретом Новоспасским была решающим моментом в жизни Киреевского: он стал его преданным духовным сыном. Но дни жизни старца были уже сочтены. После его кончины, старцем четы Киреевских стал о. Макарий Оптинский.

Киреевский пишет своему другу Кошелеву: «Существеннее всяких книг и всякого мышления, найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты бы мог сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение св. Отцов».

Из всех мирских лиц, перебивавших в Оптиной Пустыни, Киреевский ближе всех других подошел к ее духу и понял, как никто иной, ее значение, как духовной вершины, где сошлись и высший духовный подвиг внутреннего делания, венчаемой изобилием благодати даров стяжания Святаго Духа и одновременно служение миру во всей полноте, как в его духовных, так и житейских нуждах. Он видел в Оптиной претворение в жизнь мудрости святоотеческой. Будучи философом, он почувствовал, что и высшее познание истины связано с цельностью духа, с восстановленной гармонией всех духовных сил человека. Но это восстановление достигается внутренним подвигом, духовным деланием.

Письмо И. В. Киреевского к старцу Макарию

Знакомство И.В. Киреевского с благостным старцем нашим, о. Макарием, произошло, по словам супруги Ивана Васильевича, Натальи Петровны, при следующих обстоятельствах.

«Сама я, – так поведала нам Наталья Петровна, – познакомилась с о. Макарием в 1833-м году через другого приснопамятного старца, его предшественника, о. Леонида; тогда же сделалась его духовною дочерью и с тех пор находилась с ним в постоянном духовном общении.

О внутренних духовных переменах в И.В. Киреевском можно судить по его работам 1839 года. Одна из них – «Записка о направлении и методах первоначального образования народа в России», где он, в частности, предлагал в уездных училищах «догматическое обучение религии, делающее из веры одну из наук», заменить объяснением богослужения, чтобы учащийся «каждую истину веры узнавал бы не памятью, но молитвою, просвещая вместе и разум, и сердце».

Другая работа – «Ответ А.С. Хомякову», написавшему статью «О старом и новом» и призывавшему к воскресению в русском народе общественных форм Древней Руси. И.В. Киреевский отвечает, что особенность русского быта исходила из чистого христианства, то есть Православия, «форма этого быта упала вместе с ослаблением духа <...> Возвращать ее насильственно было бы смешно, когда бы не было вредно. Но истреблять оставшиеся формы может только тот, кто не верит, что когда-нибудь Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит ее Церковь».

Из этой полемики, как отмечают исследователи, возникает славянофильство как движение. И хотя между основателями его имелись разногласия, именно приверженность православной традиции, что было редкостью в тогдашнем «свете», объединяла первых славянофилов.

Первое свидетельство о посещении И.В. Киреевским Оптиной пустыни содержится в Летописи скита и относится к августу 1845 года. В нем говорится, что от И.В. Киреевского были получены 100 экземпляров «Жития старца Паисия» и что «в последних числах июля г-н Киреевский со всем семейством проездом из Москвы посетил обитель и скит». После этого Иван Васильевич непосредственно начинает общаться со старцем Макарием и становится его духовным сыном. Как пишет в воспоминаниях Н.П. Киреевская, «В марте 1846 года отец Макарий был у нас в Долбине, и Иван Васильевич в первый раз исповедовался у него»

С сентября 1846 года начинается регулярная переписка И.В. Киреевского со старцем Макарием. В настоящий момент опубликовано 100 писем обоих адресатов[, значительная часть переписки посвящена вопросам перевода и редактирования святоотеческих изданий. Из писем видно, как Иван Васильевич, человек высокообразованный, полагаясь на мудрость старца, проявляет смирение там, где другой бы не преминул показать свои знания. Из личного опыта он советует А.И. Кошелеву: «...для тебя существеннее всяких книг и всякого мышления – найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты мог бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение Святых Отцов»

В марте 1852 года И.В. Киреевский просит старца быть рецензентом его работы «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России». Он пишет: «Благодарю Вас также, милостивый батюшка, от всего сердца за участие, которое Вы изволите принимать в пишущейся мною статье для “Московского сборника”. Я желал сообщить Вам ее прежде печати.... Благословите ее быть на пользу. Если что сказано мною противно истине или неверно, или излишне, прошу Вас вычеркнуть или изменить». Из-за болезни И.В. Киреевского работа оказалась не закончена и в таком виде была напечатана в «Московском сборнике», который, так же как и «Европеец», был запрещен, но уже по причине излишней «народности».

В докладной записке на высочайшее имя министр народного просвещения князь П. А. Ширинский-Шихматов сообщал: «Осмеливаюсь думать, что хотя народность и составляет одну из главных основ нашего государственного быта, но развитие понятия о ней не должно быть односторонне и безусловное; иначе безотчетное стремление к народности может перейти в крайность и вместо пользы принести существенный вред». В своей статье И.В. Киреевский писал: «Одного только желаю я, чтобы те начала жизни, которые хранятся в учении Святой Православной Церкви, вполне проникнули убеждения всех ступеней и сословий наших, чтобы эти высшие начала, господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но, напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие и чтобы та *цельность* бытия, которую мы замечаем в древней, была навсегда уделом настоящей и будущей нашей православной России...»

В исследовании проф. А.Д. Каплина о славянофилах отмечается, что к 1840-м годам еще не завершился период полного «обращения» И.В. Киреевского, и изменение его взглядов очевидно и в 1845-м, и в 1852 году. Проанализировав некоторые моменты творческой биографии философа и его духовного общения с оптинским старцем Макарием, можно сделать вывод, что «обращение», по всей вероятности, происходило с середины 30-х до середины 40-х, когда Иван Васильевич как человек светский знакомится с таким явлением, как старчество, и как ученый-философ изучает православную святоотеческую традицию.

А с 1846 года, вверившись духовному руководству старца Макария, он как его духовный сын старается жить согласно этой традиции. Видимо, неслучайно именно в этот период наблюдается подъем творческой активности И.В. Киреевского, его философский взгляд приобретает глубину и ясность, и он находит в себе силы приступить к разработке новой философской концепции, пригодной для просвещения России.